

social security and others. The study is based on the data, collected during 8 years (4 waves of the research were organized during 2006–2013.) The result of the study demonstrates that in the Tyumen region (including KhMAO, YaNAO) the absolute level of trust to the authority's institutions is relatively low, and generally has not changed seriously. It is demonstrated that the «vertical trust» is directly related to the components of the social state.

Keywords: trust, socio-cultural, monitoring, social structure, deception, institutions, relations, protest, expectation, activity

БАРДИН Андрей Леонидович – научный редактор журнала «Полис (Политические исследования)» (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, оф. 208; andreybardin@gmail.com); младший научный сотрудник Центра сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН

КОКАРЕВА Анна Николаевна – редактор журнала «Полис (Политические исследования)» (bitmurr@gmail.com)

МИХАЙЛОВА Елена Викторовна – к.и.н., ответственный секретарь журнала «Полис (Политические исследования)» (lilaste@list.ru)

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКИХ СМИ

Аннотация. Статья содержит результаты исследования репрезентации структур российского гражданского общества в зеркале российских СМИ. Исследование базируется на методике дискурс- и контент-анализа. Предметом анализа выступают лексические единицы, формирующие языковые образы гражданского общества, ключевые характеристики его репрезентации и субъектность, а также тематическая и дискурсивная рамки репрезентации гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданский активизм, протестная активность, общественный контроль, государство, коммуникация, дискурс

Настоящая статья представляет промежуточные результаты исследования, в рамках которого предпринимается попытка на основе методов дискурс- и контент-анализа выделить ключевые черты репрезентации российского гражданского общества в публикациях ряда российских средств массовой информации. Материалом настоящего исследования стали публикации в СМИ, принадлежащих к различным фрагментам общественно-политического спектра – «Коммерсант», «Ведомости», «Российская газета», «Новая газета», «Труд», «Советская Россия», «Правда», «Lenta.ru» и «РБК».

Задачи исследования обусловлены, прежде всего, потребностью российской политической науки в изучении динамики развития гражданского общества, находящегося в стадии становления. Этот период, по мнению большинства ученых, характеризуется слабостью, разрозненностью, невысоким уровнем солидарности структур гражданского общества, относительной незначительностью их символического капитала. По сути, «любые рассуждения о развитии гражданского общества в России часто напоминают хорошо известную апорию о стреле, которая движется вперед, но при этом остается на месте. Так же и гражданское общество в России, с одной стороны, находится в своем стабильном состоянии – неопределенности в пространстве частно-государственных отношений, несовершенства взаимодействия государства с третьим сектором и структурами гражданской самоорганизации» [цит. по Бараш 2014: 1]. С другой стороны, нельзя отрицать и наличие общего тренда активизации гражданского общества в России, повышение «взыскательности различных его структур к общественным дисфункциям и сбоям», рост запроса на деятельность системы общественного контроля, «позволяющей избежать нарастания общественного недовольства в противостоянии гражданского общества и власти» [Вебер и др. 2011: 170]. Как показало исследование Института социологии РАН, проведенное в марте 2014 г., число «инициативных» россиян все же превышает число «инертных» (37% против 29%), что свидетельствует о достаточной уко-

ренности практик гражданского активизма в российском обществе [Петухов и др. 2014: 11].

Между тем, текущая стадия развития гражданского общества представляет существенный интерес для исследователя не только ввиду очевидной многоплановости этого процесса и противоречивого отношения к нему со стороны различных групп населения, но и вследствие явно когнитивного характера этого процесса: по сути, борьба внутри различных групп гражданского общества идет за транслирование своей мировоззренческой системы координат и своей системы ценностей в качестве нормативной. Представляется, что формирование в массовом сознании того или иного восприятия гражданского общества во многом зависит от того, каким образом деятельность различных его структур отражается в средствах массовой информации. Тем самым мы предполагаем, что в современной российской действительности воспроизводится ситуация, где «бытие есть факт высказывания: это означает просто-напросто, что не существует никакой додискурсивной реальности. Всякая реальность основывается на дискурсе и определяется в нем» [Кассен 2000: 153].

Ключевыми элементами анализа в настоящем исследовании выступают: 1) лексические единицы, формирующие языковые образы гражданского общества, создаваемые в СМИ, ключевые характеристики его субъектности; 2) тематическая и дискурсивная рамки репрезентации гражданского общества (в контексте рассмотренной выше концепции гражданского общества как коммуникативного пространства между личностью и государством).

Репрезентация и акторность

Сам термин «гражданское общество» употребляется в проанализированных материалах достаточно редко, но тем более примечательны его языковые образы, в ряде случаев представляющие собой примеры борьбы за его «правильное» обозначение. Подобный спор о номинациях характеризуется конкуренцией дискурсов, проистекающей из конкуренции различных моделей гражданского общества. При этом во властном дискурсе часто фигурирует метафора «опора» — власть готова «опереться» на гражданское общество, но лишь на определенную его часть, которой оно может доверять: «гражданское общество, на которое следует опираться и к которому будут прислушиваться, — не те, кто стремится к расколу страны (они — агенты влияния внешних сил), а те, кто *дорожит единством*»¹; «это неоспоримое свидетельство того, что высшая государственная власть России твердо решила *опереться* на активное и *ответственное* гражданское общество»². В некоторых случаях создается образ гражданского общества не просто как коммуникационного посредника и опоры власти, но как института, берущего на себя большинство функций, с которыми не справляется государство: «Жалобы президенту и просьбы к президенту только подтверждают отсутствие нормальной работы государственных институтов — но консолидированное гражданское общество теперь *подменяет эту работу* вместе с президентом, а значит, институты могут спать спокойно»³.

Оппозиционная активность в рамках этого дискурса приобретает ярко выраженные негативные коннотации: «Я вообще не понимаю, какое значение “болотное дело” имеет в масштабе страны? И уж тем более, *какое отношение несколько человек, кидающихся асфальтом, имеют к гражданскому обществу*. На мой взгляд, это сильно переоцененная история, несоизмерная масштабу страны и федеральной Общественной палаты. У нас сотни гражданских активистов в регионах, цель которых — реальные дела, а не саботаж! <...> Я за то, чтобы понятия “гражданское общество” и “гражданский активист” *применяли по назначению*»⁴. Наконец, на примере групп, оказывающих помощь восточным регионам Украины, показывается, что

¹ Единство на замке. — *Ведомости*. 23.07.2014.

² Шкель Т. 2014. Госдума приняла законопроект «Об основах общественного контроля». — *Российская газета*. 23.04.

³ Общество у Путина. — *Ведомости*. 16.10.2014.

⁴ Туманов Г. 2014. Я за то, чтобы понятие «гражданское общество» применяли по назначению. — *Коммерсант*. 15.09.

для власти «гражданское общество мечты — это *не независимые НКО*, а люди, берущие на себя функции, которые государство не имеет возможности выполнить»¹.

С другой стороны, в публикациях СМИ левого и либерального спектра гражданское общество главным образом репрезентируется через процесс борьбы граждан за свои права, в котором значимое место занимает ценностная категория справедливости: «Когда все молчат и “никому не верят”, есть люди, которые вступают на путь *борьбы за справедливость*, за свое право жить и работать»². Предпосылкой формирования структур гражданского общества в этом контексте выступает отсутствие действенных механизмов коммуникации с государством и попытка установить такие каналы: «Но объединяет людей одно: *равнодушие* со стороны чиновников, к которым многие из собравшихся перед департаментом раз за разом обращались, пытаясь добиться *справедливости* и решить жизненно важные проблемы»³; «депутаты согласились внести некоторые поправки в текст, однако не те, на которых настаивали общественники. “*Это как разговор слепого с глухим*”»⁴; «столкнувшись с личной проблемой, познакомилась со многими многодетными семьями нашего города, вступила в региональную общественную организацию, и теперь все вместе мы пытаемся *достучаться до властей*»⁵; «вообще такие проблемы должны решаться через СМИ, через парламент, но какие-либо эффективные *способы обратной связи с властями*, с помощью которых можно было бы своевременно сообщать о проблемах правоприменения, *отсутствуют*»⁶.

Наиболее ярко данный феномен «коммуникационного провала» представлен в материалах газет «Правда» и «Советская Россия», в которых власть либо ограничивается формальными ответами (отписками) на обращения граждан, либо вовсе избегает ответа на вопрос: «Полномочия двух высоких чиновников, имеющих в своем подчинении других чиновников, не ясны, так как на все сложные вопросы, по словам получателей высоких депеш, они отвечают: “Мы *не располагаем* запрашиваемой информацией. Этот вопрос *не находится* в нашей компетенции»⁷; «митингующие в Воронеже напомнили, что *провели уже десятки многотысячных митингов*, собиравших до 85% населения районных городов, проводили общественные слушания, добивались организации референдума. Однако решение об отмене добычи никеля *так и не принято*, а против экологов идут постоянные *репрессии*»⁸.

Отсутствие эффективных каналов коммуникации в отдельных элементах дискурса связывается со спецификой российской политической системы: «Надменное чванство Аппарата — и *апатичная недоверчивость* среды — две вечные составляющие российской Политсистемы. В результате “гражданское общество” вечно *сводится к декорации* очередных переносных *потемкинских деревень*, которые *устанавливают “для оживления пейзажа”* на голой площадке, вокруг Вертикали»⁹.

Законодательство

В рассмотренном дискурсе о гражданском обществе обращает на себя внимание высокая частотность лексических единиц, характеризующих давление, оказываемое на него со стороны государства. Одна из ключевых тематических рамок подобного дискурса принуждения, выходящая на первое место по значимости в большинстве рассмотренных СМИ, — законодательная, связанная с «законом об

¹ Рустамова Ф. 2014. Расследование РБК: как казаки снабжают Новороссию. — РБК. 21.07.

² Протестный импульс красной зари. — Советская Россия. 13.09.2014.

³ Еркина А. 2014. Острый дефицит совести. — Правда. 01.07.

⁴ Пляжный бунт. В Крыму началась схватка депутатов и общественников за прибрежную зону. — Lenta.ru. 22.08.2014.

⁵ 603-я очередь. 2014. Советская Россия. 01.04.

⁶ Правозащитники поговорили с Володиным: Алексева, Черкасов, Ганнушкина и Памфилова потребовали обратной связи. — Lenta.ru. 12.05.2014.

⁷ Хорошилов А. 2014. Предпоследняя шахта и последнее предупреждение. — Правда. 18.07.

⁸ Никель на Хопре как Паулюс на Волге. — Советская Россия. 30.09.2014.

⁹ Радзиховский Л. 2014. Год фронта. — Российская газета. 17.06.

иностранных агентах»¹, а также законопроектом о регулировании деятельности блоггеров. Здесь можно проследить различные градации давления. Это, во-первых, контроль, ограничение: «но беда в том, что инструменты, которые в цивилизованных странах применяются для регулирования коммерческого лоббизма, у нас применяются для *контроля* над третьим сектором — негосударственными некоммерческими организациями»²; «теперь государство берет реванш — *гайки закручиваются до предела*, а возможности лавировать между размытыми формулировками бесконечных законов почти не остается»³. Принятие Госдумой в ноябре 2014 г. законопроекта, предусматривающего внесение изменений в законы о партиях, о выборах разных уровней и Кодекса об административных нарушениях в рамках критического дискурса также репрезентируется как попытка не только еще сильнее ограничить гражданское общество, но и минимизировать его международные контакты: «депутаты готовятся принять законопроект, который изолирует партии от внешнего мира, а также *ужесточит контроль* над гражданским обществом»⁴.

Во-вторых, угроза: «но за всеми следить и не надо. Достаточно лишь создать ощущение *постоянной угрозы*»⁵. В-третьих, принуждение и подавление: «Минюст начал *принудительно* включать некоммерческие организации в реестр иностранных агентов»⁶; Но тех, кто *не записался* в этот реестр *добровольно*, будут по-прежнему штрафовать за невыполнение требований закона»⁷; «этот закон доказывает *подавление властью любого проявления инакомыслия* <...> Это просто *вызов* людям, которые не хотят идти в одном строю с государством и внимать пропаганде. Вместо того чтобы бороться с причинами протестов, власть борется с протестующими»⁸.

Наконец, взаимоотношения государства и гражданского общества в этом контексте могут концептуализироваться даже в метафорах войны, таких как борьба на уничтожение или «обескровливание» противника: «вместо борьбы с нарушениями прав граждан государство *ведет войну* с теми, кто выявляет эти нарушения <...> Нынешние принятые в чрезвычайном порядке нормы об «иностранных агентах» направлены не на решение реальных проблем, стоящих перед страной, но лишь на *ослабление гражданского общества России*»⁹; «в советское время мы без денег выживали. Не будет денег — будем полностью работать на волонтерских началах, но работу продолжим. Все происходящее — прямое следствие усилий властей по *удушению гражданского общества*. Основное средство удушения — оставить без средств»¹⁰. Особый резонанс вызвало требование Минюста о ликвидации общества «Мемориал»: «“Мемориал”, который существует с 1989 года, — самая старая общественная правозащитная организация, которая превратилась для нас в символ гражданского общества России. Закрытие “Мемориала” — это как *публичная казнь гражданского общества*»¹¹.

Весьма часто в дискурсе присутствует языковое сопротивление в форме отрицательных высказываний, возникающее в связи с лексемой «иностранный агент»: «Но граждане добровольно записываться в агенты *не хотят*, из-за чего правительство теперь готовит поправки в закон об НКО, позволяющие Минюсту присваивать этот *завидный статус* самостоятельно, по итогам прокурорской проверки и

¹ Федеральный закон РФ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента». Доступ: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1620877> (проверено 14.11.2014).

² Шульман Е. 2014. Верховенство права: агенты по принуждению. — *Ведомости*. 23.05.

³ Просвинова О. 2014. Агенты по принуждению. — *Новая газета*. 17.05.

⁴ Хачатрян Д. 2014. Кошелек или политическая жизнь. — *Новая газета*. 14.11.

⁵ Цуканов И. 2014. Вещь недели: компьютерная клавиатура. — *Ведомости*. 18.04.

⁶ Чуракова О. 2014. Пятеро первых. — *Ведомости*. 10.06.

⁷ Бочарова С., Железнова С., Корня А. 2014. Агент по версии Минюста. — *Ведомости*. 28.04.

⁸ Некрасова Е. 2014. Всех не посчитают. — *Новая газета*. 01.08.

⁹ Заявление международного общества «Мемориал». — *Новая газета*. 25.07.2014.

¹⁰ Московская Хельсинкская группа свернула правозащитные проекты. — *Lenta.ru*. 29.09.2014.

¹¹ Юрченко В. 2014. Минюст потребовал в ВС ликвидировать «Мемориал». — *Новая газета*. 10.10.

без решения суда»¹; «глава “ГОЛОСа-Урал” Юрий Гурман направил обращение в прокуратуру и министерство юстиции Челябинской области с просьбой провести внеплановую проверку деятельности организации. Он сообщил о готовности доказать, что “ГОЛОС-Урал” *не получает* зарубежного финансирования и *не действует* в интересах других государств»².

Гражданским обществом номинация «иностранный агент» продолжает восприниматься резко негативно: «*Требование* о регистрации НКО в качестве “иностранных агентов” *нарушает конституционные права* граждан и общественных организаций на равенство перед законом, на свободу слова, принципы идеологического и политического плюрализма³; Определение “иностранный агент” является *оскорбительным* и вызывает *негативные ассоциации*. К тому же признание НКО иностранным агентом повлечет дополнительные проверки и необоснованные претензии органов власти»⁴.

В результате ужесточения законодательства об НКО «*недоверие* к общественным организациям *явно усилилось* в последние два года, чему способствовала государственная кампания по *дискредитации* некоммерческих организаций»⁵.

Законодательная тематика в 2014 г. связана также с обсуждением изменений в законодательстве о митингах. Здесь вновь сталкиваются два дискурса: с одной стороны, властный, согласно которому демонстрации необходимо лучше контролировать в целях безопасности; с другой — критический, представляющий эти меры прежде всего как давление на оппозицию: «Власти *ужесточают* законодательство о митингах и вводят уголовную ответственность для организаторов несанкционированных акций и пикетов. Мотивируется это желанием *уберечь страну* от украинского сценария. Но в России сейчас нет предпосылок для повторения украинских событий. Цель поправок — вывести из игры опытных оппозиционеров, говорят эксперты. <...> Нынешнее российское законодательство о митингах достаточно жестоко, уже сейчас трудно организовать и согласовать не только митинг, но даже одиночный пикет. На этом фоне вводить еще и уголовную ответственность — *свирепая мера*»⁶; «по словам юристов, у власти появится новый рычаг *воздействия на оппозицию* — доказать, что деньги были направлены на поддержку мирного шествия, а не массовых беспорядков, будет сложно»⁷; «власть все время ищет новые способы *ограничить* уличную активность граждан, пытаясь *не допустить* их выхода на массовые акции»⁸.

Протестная активность

Несмотря на ужесточение законодательства, протестная активность по-прежнему является одним из единственных механизмов взаимодействия российского гражданского общества и власти. Во властном дискурсе протестные настроения репрезентируются как минимальные: «Внутренняя политическая повестка дня исчезла, ее место заняла внешнеполитическая повестка дня. Поэтому выборы в региональные и местные органы власти по всей стране сегодня проходят без особого накала. Да и *протестные настроения существенно упали и снизились*. Оппозиция сейчас в кризисе»⁹.

Однако у властного дискурса в тематике протестной активности «выигрывает»

¹ Шульман Е. 2014. Верховенство права. — *Ведомости*, 18.04.

² Просвирина О. 2014. ЦИК уполномочен обвинить. — *Новая газета*, 18.08.

³ Корня А. 2014. Особое мнение. — *Ведомости*, 15.04.

⁴ Михайлова А. 2014. «Мемориал» не убедил суд, что он не иностранный агент. — *РБК*, 23.05.

⁵ От редакции: страна супергероев. — *Ведомости*, 29.05.2014.

⁶ Вам тут не Майдан! Организаторов несанкционированных акций будут лишать свободы. — *Lenta.ru*. 21.05.2014.

⁷ Экстремальные поправки. Граждан будут сажать за финансирование экстремизма. — *Lenta.ru*. 11.06.2014.

⁸ Бочарова С., Бирюкова Л. 2014. Миллионный штраф за несогласованный митинг. — *Ведомости*. 01.04.

⁹ Проценко Л. 2014. Глава ВЦИОМ: явка снизилась из-за отсутствия протестных настроений. — *Российская газета*, 14.09.

дискурс критический, репрезентирующий различные социально-экономические проблемы россиян. Центральное место в нем занимает образ «русского бунта», который неизбежен, если власть будет и дальше отстраняться от решения насущных проблем: «Протесты, которые прошли на Болотной площади, — это не те протесты! *Вот когда поднимается глухая провинция — это уже серьезно*. Если поднялся наш маленький район, который всегда голосовал за того, кого укажут власти, — вот это уже серьезно. Боюсь, что последствия могут быть непредсказуемыми, если власть не найдет управы на это ворье и жулье из Орехово-Зуева»¹; «и если власти опять их *“не услышат”*, то к концу августа, когда отмечается День шахтера, пусть не удивляются, что в пограничном моногороде Гуково социальная напряженность обернется *взрывом негодования*»².

Значимым событием стали акции протеста врачей и учителей в Москве осенью 2014 г. против политики властей по объединению медицинских и образовательных учреждений и сокращению персонала: «Впервые с ельцинских времен врачи в Москве вышли на крупную акцию протеста. Но говорить, что отраслевой протест превратился в социальный, рано, считают эксперты»³. Однако имеет место и иная позиция, в рамках которой проводится параллель между протестом врачей и акциями политической оппозиции: «у митингующих медиков и “болотного движения” есть одна очень важная общая черта: и те и другие описывают свой протест как *борьбу за человеческое достоинство* <...> По данным руководства профсоюза «Действие», сегодня у них 2 500 членов. Цель — привлечь 100 000 чел. за 2 года. «Мы хотим повернуть курс политики властей в конкретной отрасли — здравоохранении, — говорит Коновал. — Если это удастся, тогда будет видно, что *граждане могут формировать повестку*, и это может послужить сигналом и для других отраслей»⁴. В конкурирующем же дискурсе подчеркивается, что протесты врачей не сопровождались предложениями тех или иных конкретных шагов: «Никаких *внятных требований* или *конструктивных предложений* с их стороны не прозвучало»⁵.

Праимериз в Мосгордуму и выборы 14 сентября

На страницах отобранных СМИ также можно наблюдать столкновение двух дискурсов — провластного и критического — вокруг гражданской инициативы «Моя Москва», в рамках которой проводились праймериз в Мосгордуму. В рамках первого дискурса акцентируется независимый характер инициативы: «Сегодня за все плохое в Москве отвечает “Единая Россия”. Правда, и у истоков всего хорошего она же. Но есть в Москве люди, которые ее не поддерживают. Но они не поддерживают, скажем, и Алексея Навального. И таких много. Это *простые москвичи*, которые хотят, чтобы в нашем городе становилось лучше жить»⁶; «организаторы предварительных выборов считают, что они *дают возможность* гражданскому обществу более эффективно участвовать в формировании городской законодательной власти»⁷.

С другой стороны, критический дискурс изобилует лексическими единицами, изобличающими данную инициативу, «срывающими с нее маску»: «информационный шум, созданный вокруг “народных праймериз”, убеждает: предварительные выборы очень важны для организаторов и *тех, кто стоит за ними*, прежде всего для *партии власти*, которая новым законом о московских выборах избавлена от необходимости выставлять свой мало популярный в столице партийный список, а

¹ Фомина Е. 2014 Очень хрупкий город. — *Новая газета*. 11.07..

² Хорошилов А. 2014. Предпоследняя шахта и последнее предупреждение. — *Правда*. 18.07.

³ Мухаметшина Е. 2014. Политики прибегли к медицине. — *Ведомости*. 05.11.

⁴ Эйсмонт М. 2014. Гражданское общество: медицинская «Солидарность». — *Ведомости*. 13.11.

⁵ Департамент здравоохранения Москвы: Проблемы нужно решать не на улице. — *Российская газета*, 02.11.2014.

⁶ Проценко Л. 2014. От 21-го разрешается. «Моя Москва» создает условия для участия в выборах в Мосгордуму всем партиям и движениям. — *Российская газета*. 07.04.

⁷ Ушакова Д. 2014. Первый тайм. Играет общественность, выигрывает «Единая Россия». — *Lenta.ru*. 16.05.

потому должна как-то *протолкнуть своих кандидатов* на индивидуальной основе»¹. Инициатива приравнивается к политической технологии власти, новому способу «подготовки политического поля»: «сами кандидаты <...> довольно осторожно относятся к инициативе, *вроде как* родившейся в умах общественности, но *очень похожей на спущенную сверху* <...> Праймериз, конечно, *искажают реальную картину* — это такой политтехнологический прием²»; «кандидаты считают, что под видом предварительных выборов <...> и последовавшем на их основе самовыдвижении жителям Москвы предложили *хорошо организованную подмену*, в которой активно задействован административный ресурс»³.

Выборы 14 сентября также подверглись критике со стороны гражданского общества: «Принципы и способы формирования избирательных комиссий не гарантируют их независимость от органов государственной власти»⁴. В г. Жуковском Московской обл. гражданские активисты в судебном порядке оспаривают результаты выборов: «Чем больше людей увидит, что такое наша прокуратура, суд, выборы, тем больше людей поймут, что мы живем по законам зоны. <...> Нельзя допустить, чтобы люди в этих условиях перестали думать обо всем, кроме того, увеличат ли завтра пайку»⁵.

Общественный контроль и выборы в Общественную палату

Тематика праймериз в Мосгордуме в рамках критического дискурса перекликается с тематикой общественного контроля, еще одной из ключевых тематик в рассмотренный период. В СМИ отражены следующие ее проблемные аспекты.

1. Чрезмерная зависимость от властей, «зарегулированность» общественного контроля: «Поскольку общественные советы и общественные палаты у нас избираются госорганами, общественный контроль и его результаты *полностью зависят от чиновников*»⁶; «названия “общественный совет” и другие им подобные *ассоциируются с действующими органами* при различных властных структурах. Население не воспринимает их как площадку для своей активности»⁷; «глава комитета по делам общественных объединений Ярослав Нилов уверяет единоросса Михаила Терентьева, что его поправку о включении НКО в субъекты общественного контроля из таблицы отклоненных в таблицу принятых перенести невозможно, потому что аппарату комитета *придется проделать много дополнительной работы*. Второй аргумент был поувесистее: *позиция по законопроекту “Об основах общественного контроля” “уже выверена”*»⁸; «эта ассоциация [РОАК] также будет под контролем государства, потому что в нее вошли только лояльные власти организации. Получается, что *общественный контроль над государством будет осуществляться под жестким контролем государства*»⁹.

2. Коммуникационный аспект — неспособность российской власти взаимодействовать с гражданским обществом как полицентричным и независимым актором: «Институты политического представительства разных групп общества у нас толком не работают, *от независимой экспертизы власть также отказалась*. Тем не менее надо как-то *коммуницировать* с представителями отраслей и надо худо-бедно грамотные законы принимать. Выход — заменить разные многолюдные советы и

¹ Епифанова М. 2014. Выборы потешные. Но не смешно. — *Новая газета*. 06.06.

² Епифанова М. 2014. Не по осени считают. Эксперты и политики оценивают репетицию выборов в Мосгордуме как политтехнологический прием. — *Новая газета*. 02.04.

³ Сергеева В. 2014. Оппозиция объединилась локально. Кандидаты в Мосгордуме собираются вместе защищать честные выборы. — *Коммерсант*. 07.08.

⁴ Юрченко В. 2014. Единороссов расставили по местам. — *Новая газета*. 25.08.

⁵ Зотова Н. 2014. Они выиграли, но не победили. — *Новая газета*. 26.09.

⁶ Козлов В. 2014. НКО не находят себе места в общественном контроле: они хотят получить право проверять госорганы. — *Коммерсант*. 26.05.

⁷ Миронов Н. 2014. Демократия участия. Муниципальная реформа в мировом тренде. — *Российская газета*. 15.04.

⁸ Самохина С. 2014. Расписка в бессилии. — *Коммерсант*. 07.07.

⁹ Городецкая Н., Горяшко С. 2014. Общественный контроль попал под учреждение. Создана организация для проверки органов власти. — *Коммерсант*. 08.07.

союзы одним человеком, чтобы, как выражается президент Путин, понятно было, с кем иметь дело»¹.

3. Неэффективность институтов обеспечения общественного контроля: «*Порядок и процедуры принятия решений* по одобренным гражданами законодательным инициативам *неэффективны* <...> У экспертной группы нет механизмов контроля за исполнением даже тех положительных решений, которые она приняла. Например, уже прошли все сроки выполнения рекомендаций комиссии по разработке подзаконных правовых актов, ограничивающих стоимость покупаемых для чиновников автомобилей. Однако до сих пор *ничего* в этом направлении *не сделано*². Примечательно, что появление новых институтов общественного контроля, таких как Российская ассоциация общественного контроля (РАОК) при Общественной палате, не вызывает большого оптимизма даже у главы СПЧ: «Ассоциация будет средством организации общественного контроля, и это прекрасно. Если только не станет в итоге средством блокирования работы общественного контроля»³.

Так, в контексте данного аспекта в СМИ комментируется подписанный президентом закон «Об основах общественного контроля в РФ»⁴, устанавливающий правовые основы общественного контроля за госорганами и местными властями, а также государственными и муниципальными организациями: «Закон дает право общественным палатам отстаивать интересы граждан в суде, если их права были нарушены чиновниками. Он устанавливает правовые основы общественного контроля над деятельностью органов государственной власти, полиции, прокуратуры, государственных и муниципальных организаций <...> В общем, общественный контроль будет эффективным, если будет работать механизм сбора негативных отзывов о работе чиновника от граждан, *чтобы после одного-двух предупреждений следовала его отставка*⁵.

4. Использование общественного контроля как политической технологии в интересах власти: «Кампании по организации праймериз, выборов общественных советов, «*народного контроля*» и «*внеполитических*» местных общественных объединений с недавних пор распространены по всей России. С их помощью кандидаты, не желающие ассоциироваться с «Единой Россией», *могут получить поддержку административного ресурса*⁶. В этой связи широкое освещение в проанализированных материалах получили выборы в Общественную палату: «В рейтинге сразу же, в самом начале голосования, стали лидировать представители *собственно общественности* — те гражданские активисты, которые известны в своих сферах деятельности. Когда масштаб грядущего безобразия стал очевиден, сердце организаторов не выдержало: на участке для голосования в ОП появились автобусы с полицейскими и пожарными, которые приехали поддержать нужного кандидата <...> Выборы завершились 30 мая 2014 г., в новый состав ОП *самостоятельные* кандидаты не прошли, теперь собираются подавать судебные жалобы. Гражданские активисты, с которыми велась эта *беспощадная борьба*, никакие не оппозиционеры (термин в нынешних политических реалиях сам по себе довольно бессмысленный). Это специалисты в своих областях, которые постоянно и активно сотрудничают с госорганами». Примечательно, что здесь «самостоятельные», т.е. свободные, независимые (от власти) кандидаты репрезентируются положительно как с точки зрения профессиональных качеств, так и способности выстраивать коммуникацию с государством.

При этом властный дискурс акцентируется не столько на проблемах, сколько на уже имеющихся и новых возможностях общественного контроля, рисуя картину

¹ Страна омбудсменов. — *Ведомости*. 23.05.2014.

² Исполнитель «Российской общественной инициативы» назвал ее процедуры неэффективными. — *Lenta.ru*. 16.05.2014.

³ Городецкая Н., Горяшко С. 2014. Общественный контроль попал под учреждение. Создана организация для проверки органов власти. — *Коммерсант*. 08.07.

⁴ Федеральный закон от 21.07.2014 N 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Доступ: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;3643981> (проверено 14.11.2014).

⁵ Ситникова П. 2014. Чиновник на контроле. — *Российская газета*. 31.07.

⁶ Ульянова Ж., Опалев С., Артемьев А. 2014. Почти как выборы: в Москве впервые прошли праймериз в городской парламент. — *РБК*. 08.06.

положительных перспектив. Так, интересна статья, посвященная «новой форме общественного контроля, стремительно развивающейся в последнее время» на основе системы обратной связи с потребителями госуслуг vashkontrol.ru: «чиновников официально обяжут отвечать на все критические отзывы, а карьера руководителей будет напрямую зависеть от выставляемых им гражданами оценок»¹. Среди аналогичных материалов, посвященных общественному контролю на муниципальном уровне — статья о программе «Моя улица», которую утвердило правительство Москвы. Ее исполнители объединят в одно целое разрозненные работы по реконструкции вылетных магистралей, пешеходных улиц, обратят внимание и на дороги районного значения².

В качестве значимого субъекта общественного контроля в 2014 г. активно выступает Общероссийский народный фронт, членами которого является целый ряд профсоюзных организаций: «Проверив затраты Пенсионного фонда на строительство и ремонт офисных зданий своих региональных отделений, “фронтовики” нашли перерасход в 2,52 млрд рублей. Что примерно равно 230 тысячам среднемесячных российских пенсий. Именно такие деньги, по мнению экспертов ОНФ, были потрачены за последние три года на “излишнюю помпезность” фасадов и интерьеров зданий Пенсионного фонда и прочие излишества»³; «активисты ОНФ обвинили губернатора Сахалина Александра Хорошавина в расточительстве за ремонт служебных апартаментов на 50 миллионов»⁴.

* * *

Проведенный анализ современного информационного пространства позволяет сделать вывод, что сегодня российское гражданское общество начинает действовать с периферии общественного дискурса. Для ряда социальных групп оно даже олицетворяет собой образ «Другого», некий чужеродный объект. Однако, с одной стороны, запрос на вертикальную мобильность, генерируемый структурами гражданского общества, является одним из наиболее жестких запросов, слабо подверженным дерегулированию в рамках рутинных политических практик. С другой стороны, как показывают различные социологические исследования и отдельные элементы дискурса, для россиян по-прежнему огромное значение имеет социальная справедливость, и по мере развития кризисных явлений в экономике это значение только усиливается. Поскольку именно на ее достижение во многом и направлена деятельность гражданского общества, оно имеет серьезный потенциал наращивания своей когнитивной власти. Вкупе оба этих фактора формируют возможность качественной эволюции гражданского общества и легитимации его в роли весомого политического субъекта. В целом, рассмотренные выше речевые практики свидетельствуют о наличии «борьбы дискурсов» в российском медиаполе.

Прогноз гражданского общества в России свидетельствует, что его эволюция подчиняется как бы двум обстоятельствам. Во-первых, это растущая объективная потребность в его укреплении и развитии, особенно в контексте новых сетевых коммуникаций. Второе — это активное противодействие его развитию со стороны части правящего класса, которая не заинтересована в парадигмальной смене модели российского общества. Ось диалектически-конфликтного противостояния этих двух начал будет находиться в центре внимания высшей части руководства страны. И это не случайно, т.к. существующий неформальный механизм российской политической системы становится активным участником вектора нашего развития. От него во многом зависит смена (или консервация) ресурсно-экстенсивной модели функционирования общества и государственных институтов.

Станет ли гражданское общество самостоятельным, институционально оформленным субъектом этого процесса или будет находиться в тени, на вторых ролях, зависит от темпов и масштабов созревания самого гражданского общества. Ускорить

¹ Захарова Л. 2014. Чиновника можно отправить в отставку. — *Российская газета*. 01.07.

² Огилько И. 2014. Шоссе желаний. — *Российская газета*. 17.07.

³ Проценко А. 2014. Мир хижинам, война дворцам. — *Труд*. 05.08.

⁴ Орлов П. 2014. Дорого, но сухо. — *Труд*. 09.09.

этот процесс со стороны вертикали власти возможно, сконструировать — не получится, возникнут разве что имитационные практики. Таков, на наш взгляд, модельный сценарий взаимодействия гражданского общества и власти, вытекающий из анализа использованных нами материалов.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 14-03-00262а «Динамика развития гражданского общества в современной России»).

Список литературы

Бараш Р.Э. 2014. Гражданское общество как пространство свободы. Доступ: <http://www.civisbook.ru/publ.html?id=1041> (проверено 14.11.2014).

Вебер А.Б., Галкин А.А., Красин Ю.А., Никовская Л.И., Пантин В.И. 2011. — *Инновационная модернизация России. Политологические очерки* (под ред. Ю.А. Красина). М.: Институт социологии РАН. 253 с.

Кассен Б. 2000. *Эффект софистики*. М.: Университетская книга; СПб.: Культурная инициатива. 239 с.

Петухов В.В., Бараш Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В. 2014. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия. — *Власть*. № 9. С. 11-19.

BARDIN Andrey Leonidovich, scientific editor of «Polis. Political Studies» journal (Krzhizhanovskogo str., 24/35, bld. 5, off. 208, Moscow, Russia, 117218; andreybardin@gmail.com); Junior Researcher of the Centre for the Comparative Socio-Economic and Socio-Political Studies, Institute of World Economy and International Relations, RAS

KOKAREVA Anna Nikolaeвна, editor of «Polis. Political Studies» journal (bimurr@gmail.com)

MIKHAILOVA Elena Viktorovna, Cand.Sci. (Hist.), executive editor of «Polis. Political Studies» journal (lilaste@list.ru)

CIVIL SOCIETY IN RUSSIAN MASS-MEDIA DISCOURSE

Abstract. *The article conveys results of the study of representation of Russian civil society in Russian mass-media. The study was conducted using the methods of discourse and content analysis of the lexical units, which form language images of civil society. The authors also paid attention to the role of civil society as a subject, to the key topics and discourse frameworks of its representation.*

Keywords: *civil society, civic activism, protest activity, public control, state, communication, discourse*

ЕРЕГИНА Анна Геннадьевна — аспирант кафедры социологии и психологии Нижегородского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 46; anna_eregina@mail.ru)

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ: СОДЕРЖАНИЕ, ОСОБЕННОСТИ, ФАКТОРЫ

Аннотация. *В статье на основе результатов социологического исследования представлена авторская факторная модель профессионального развития, позволяющая выявить четыре типологические группы государственных гражданских служащих. Факторная модель основывается на профессионально-деятельностной и образовательно-регулятивной составляющих профессионального развития государственных служащих. Анализ каждой группы в соответствии с предложенной типологизацией включает рекомендации по формированию индивидуальных образовательных траекторий для государ-*